

Наталья Джурович

Поэт, переводчик. Родилась в Москве. Закончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. Автор книг «Нескончаемое лето», «Румия Крестоносная» (автор и переводчик), «Двуречие». Лауреат конкурса им. Григорьева. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Гостиный дворъ», «Подъем», «Волга 21 век», «Славянская лира», «Эхо Бога». Стихи переведены на сербский язык. Живёт и работает в Черногории.

ДЕД

Герой в летах, в сединах бороды,
Идёт по кромке вспененной воды,
В камнях свои прокладывая тропы.
Тут остановит берег, там – пейзаж.
У дедушки давно «пейзажный стаж»,
Да только чаще был пейзаж окопный.

Как будто в латах, в космах он седых,
И, слава Богу, ходит на своих,
И все ещё как будто на подхвате.
Проверку полигонами прошёл,
И в лёгких воля дышит – хорошо!
– Ах, что там? Пропуск? Маску? Справку?
– Натё!

За маской седины не прячет дед.
Безропотно потёртый документ
Протянет, как протянет ветку тополь.
Он отстоял когда-то Севастополь,
Да вот на пропуске о том печати нет.

Ну, нет, так нет. Потрет карман тугой.
...И камешки под дедовой ногой
Хрустят, как внуки сахарным печеньем
Хрустели, и когда-то развлечением
Из дедовых карманов извлеченье
Его казалось. «Деда, дорогой!..» –
Всё слышится, как камешки с откоса...
И всё ещё как будто в жизни сносно,
И нет потребности жизнь сложить другой.

* * *

Мы уходили до темна гулять,
Пока вы были, как всегда, при деле.
Теперь мы можем смело вам сказать:
Спасибо, что тогда не доглядели.

На край села – да разве это край!
За старым домом балка с ежевикой...
(Ты хоть сейчас о том не причитай,
Ты и сама ведь к странствиям привыкла).

Ведь мы же «по делам», не «от балды»,
Ведь слишком долго на селе затишье!..
Ты лучше вспомни «райские сады»,
Через плечо – ведро для дикой вишни...

Мы счастье получали не взаймы.
Весомость дней и невесомость в теле.
Варенье, осы... и летели мы –
А ведь и правда, мы тогда летели!

* * *

Стояла одиноко и ждала,
Когда другая рядом восхолмится...
Обычная тамбовская земляца,
Нам было здесь написано родиться;
И вот стоят теперь, как два крыла,
Раскинутые с севера на юг,
Крестов родных надтреснутые брусья.
Здесь, только здесь так остро пахнет
Русью,
Сырой землёй и болью от разлук.
Был за забором прежде огород,
На нём работа день и ночь кипела.
Но умершее огорода тело
Теперь в себя вберёт – за родом род.
За рядом ряд. Растёт трава, чтоб таять.
Шуршат венков поблёкшие цветы,
И, как цветок, сюда приходишь ты,
Живая, подрастающая Память!
Ты вслушаешься в эту тишину,
Прадедушке расскажешь про «войну»,
Где непременно победили «наши».
Тебя по праву внучки обниму,
И ты поймёшь, что в цвет травы раскрашен
Твой самолет, и маме он не страшен –
Благодаря ему.

ЛОСКУТКИ

Печка, бабушка в платочке,
Мама, тетя, я и ты.
Мы играем в лоскуточки,
Лоскуточки, лоскуты...
«Сохранила вам Аленка,
Будьте бережней чуток...»
Загадаю, чтоб зеленый –
Мне достался лоскуток.
В комнате запахло хлебом,
Дым ерошится в трубе.
Вот тряпица — словно небо,
Синий лоскуток — тебе!..
Наши тряпочки-тряпицы,
Даже бархата чуть-чуть!
Как такой не поделиться!
Как над ней не прослезиться
Нам потом, когда-нибудь!..
Память как узор на ткани:
Мама, тетя, я и ты —
Да странички поминанья:
Лоскуточки, лоскуты...

КОЛЯ

Выжив после танкового грома,
Не сдалось больное деревцо.
Тот луганский мальчик из детдома
Станет новый Николай Рубцов.

Ветром надувается рубашка –
Сноса нет – нерасторжима связь.
Коля петь захочет о ромашках,
Над тетрадкой школьной наклонясь...

Гулкой песней кто-то снова славит
Мирного мгновения творцов.
Ветер это? Мальчик? Или память?
Или снова – Николай Рубцов?..

* * *

Сдуй с ладони тёплую пыльцу,
Жмуришься от нежности нежданной.
Мой малыш, тебе она к лицу!
Мне ж к лицу – сынок мой долгожданный.

Август как парное молоко –
Завершился, как молитва в храме.
Грустно смотрит в комнате окно,
Заключённое в поблекшей раме.

Мы читаем строчки из псалмов,
П рибautки, сказки и потешки.
Видно, ты на многое готов,
От того тревожней мне, чем прежде...

Непоколебимый Чудо-кит
В детской сказке мощен и прекрасен.
Улетает в отдалённый скит
Лето в одуванчиковой рясе.

* * *

Боже, я Рубцова старше,
А до истинных стихов
Как до совести пропащей,
Как до прежних женихов.

Боже правый, для чего же
Рубит ангел за плечом,
Стих, под грифом «се негоже!
(Ишь, удумала о чём!)».

Только что такого – ветошь,
Леность, сырость и хандра.
В «монтенегру» не поедешь,
Что ж, а Крыму-то – «Ура!».

Не поеду – это кстати,
Черно-горе, изыди!
Сын читает – листопадит –
Как лампадою кадит.

СУНДУКИ

...А были – внуки да сундуки,
их много, и каждый внук –
Из колыбели подрост и – в сундук –
Искать в нём тайну уставших рук,
Седых волос, немой тоски.

А там – добра немало,
Платков «рублёных» – навалом.
Ты их, когда не видел никто,
Возьми да открой –
достанешь, помянешь и – раздавала.

Да только не уменьшались они,
Стопки белых, синих, черных...
С каймою и без, цветастых...
Сочтенных –
За всяку подругу – платок,
Поплачешь, да сундучок – на крючок.

И пела ты: «... грядёт в полночи...»,
Терпеть и ждать отродясь научена.
— «А что там, за крышкой дубовой?!»
— «Лучшее, Светлое, Вечное, внученьки!»

АВГУСТ

Принять эту боль,
растаять в зерне сгоревшем
Возможно ли будет
Спустя десятины вёсен?
По бывшему лесу
бредёт полоумный леший –
Он был председателем,
женщиной на сенокосе.

Он – сгусток потерь, расчленение,
горечи, казней.
Дымится невидимым дымом земля,
два месяца с лишним.
И лето – не лето теперь,
И праздник – не праздник,
И женщина в поле не косит теперь, но ищет.

Границы свои расставит
измотанный август,
Простой, в виде яблок и груш,
он придёт и окажется – русским.
Взмахнув рукавом, разогнавшись,
стоит как данность
Святой Серафим, на всё-таки всплывшем «Курске».

* * *

Наготове душа – да бывает ли так?
Выбривает ноябрь всё заветное налысо.
Эта осень особенно с нами люта.
Наливаются зёрна и – падают запросто.

Запиши моё имя на этом листке,
Пусть и я оторвусь, над собою не сжалившись.
Снова влажные капли на чёрном платке
И беспомощный взгляд в спины вновь уезжающих.

Не молитва и даже не горечь внутри,
Вырастают кресты, под крестами – родимые.
Ноябри – будто сороковины – смотри,
Как корявы слова и старания мнимые.

Больше смерти с собой ничего не возьмёшь.
Остывают посевы на бороздках выпретенных.
Не хочу признавать, что и ты здесь пройдёшь,
Если это так просто, то строки бессмысленны.

Чёрных сосен негласный несносен устав:
«Завершается всё, даже муки родильные».
Вырастают кресты, застывают уста,
Целованьем последним согреться бессильные.